

Жрица

Анюта Соколова

Анюта Соколова

Жрица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69309508

SelfPub; 2023

Аннотация

Жрицы – служительницы Предвечной. Они благословляют новорождённых, скрепляют браки и провожают умерших. Века стёрли из памяти людей истинное предназначение жриц, и новый император ведёт войну за закрытие храмов. Жрица Карен лишь исполняет долг, когда спасает вражеского офицера. Однако на всё воля Предвечной, и случайная встреча может многое изменить. Особенно, если Карен – бывший боевой маг, а командер элитного отряда – талантливый маг-пространственник, мечтающий покончить с войнами навсегда.

Анюта Соколова

Жрица

Только опасность знакомит нас с нашим собственными ресурсами, добродетелями, нашими доспехами и оружием, нашим духом и заставляет быть сильными.

Ф. Ницше

Это история о любви. Даже если вам покажется, что это не так, автор хотел рассказать именно о ней. Прочее – лишь совпадение времени и обстоятельств.

Крупный чёрный ворон бесшумно, словно бесплотная мрачная тень, перепорхнул с ветки на ветку, не сводя с меня круглого блестящего глаза. Миран сплюнул.

– Трупоеды! Госпожа Кáрен, дозвоьте, я его шугану! До чего птица мерзкая, так и норовит глаза покойным выклевать!

Я не стала отвлекаться на лекцию о вреде суеверий. Не время и не место. Ворон почувствовал моё благоволение и подобрался поближе. Миран сотворил знак, отгоняющий зло.

– Госпожа! – окликнул меня второй послушник, Скóйш. – Здесь, кажись, ещё живой!

Перешагивая через мёртвые изувеченные тела, я поспе-

шила на край поля. Глубокие борозды от заклинаний распахали землю, впаяв в неё человеческие останки. Слава Предвечной, к запахам я терпима, а годы тренировок заставляли сердце биться ровно, но особо чудовищные подробности, выхваченные глазом, вызывали тошноту.

У находки Скойша я упала на колени прямо в грязь, ломая тоненькую корочку образовавшегося сверху льда. Со всем юный мальчик, судя по форме, рядовой. Ноги у солдата великой армии Рагара отсутствовали – выше колен их словно обрезало раскалённым ножом, запечатав края раны и остановив кровотечение. Огненное Лезвие, любимое заклинание отрядов Асгэра. Это позволило мальчику продержаться до моего прихода, только во мне больше не было ни капли магии, чтобы ему помочь. Здесь требовался целитель, сильный, опытный... Кто-то из тех погибших, которые сейчас невидящим взглядом равнодушно встречали блёклый осенний расцвет.

– Госпожа, его можно спасти? – взволнованно спросил подошедший Миран.

– Нет, – покачала я седой головой. – Лишь проводить.

В ответ на мои слова умирающий сделал попытку пошевелиться и открыл глаза – красные, воспалённые. На лице под слоем сажи угадывались страшные ожоги, волосы обгорели до корней. Пальцы безвольно откинутой руки судорожно дёрнулись. Губы силились что-то произнести, мы с Мираном одновременно нагнулись.

– Мама, – вырвался хриплый полустон-полувсхлип, – дайте ей знать... мы победили...

– Как вас зовут? – склонилась я ещё ниже.

– Малис... Малис Кóриш... Вы... жрица?

– Она самая, – пробасил Миран. – Держитесь, господин, в храме о вас позаботятся.

Жестом я велела ему замолчать.

– Госпожа Карен, – зашептал мне в другое ухо Скойш, – разрешите, я его всё же в повозку отнесу? Даст Предвечная, оклемается.

– Неси, – согласилась я, не желая спорить.

Внутри крыльями раздавленной бабочки трепетала надежда – вопреки серьёзности повреждений, неумолимо тускнеющей ауре мальчика, собственному опыту... Наперекор всему.

Могучие руки Скойша обхватили человеческий обрубок, выцарапывая его из подмёрзшей земли, послушник поднял тело – и вдруг застыл.

– Госпожа...

– Положи обратно, – бесстрастно сказала я.

Чуда не произошло. Порой меня посещают крамольные мысли, что Предвечная устала от бесконечных войн, в которых одни её создания изощрённо убивают других.

– Возвращайтесь к повозкам и ждите, – сухо бросила в морозный воздух вместе с облачком пара.

– Погодите чуток, – попросил Миран. – На опушке рыск-

ну, далековато, дак отбросить могло. Я мигом, госпожа Карен!

Проводив его взглядом, я закрыла незрячие глаза умершего мальчика. Аура почти угасла. Слабенький маг, пятый-шестой уровень. Предел – пульсар средней сложности. Зачем такие солдаты императору?!

– Госпожа! – услышала я возглас Мирана. – Сюда!.. Ах, нет, ну его!

Предупреждение запоздало – я уже перебиралась через борозды, стараясь не смотреть, не дышать, не думать. Словно кукла, которую однажды привёз из столицы отец – совсем как настоящая девочка, только лишённая души и послушно выполняющая команды. «Иди». «Замри». «Танцуй»...

Мага в чёрной форме Асгэра, лежащего с раскинутыми руками, наполовину занесло листьями. За ночь их успело нападать немало: ржавые, багряные, цвета шафрана и старого золота, они срывались с веток и укрывали погибших пёстрым саваном. Однако асгэрцу рано было на Небеса: его аура слабо, но ровно сияла.

– Этого в повозку, живо! – приказала я, стряхивая оцепенение. – Скойш!

– Стоит ли, госпожа Карен? – запротестовал Миран. – Это же асгэрец!

– Хоть демон из Нижнего мира, – прищурилась я злобно. – Он жив – наш долг ему помочь. Выполнять!

Пререкался Миран не посмел. Вдвоём со Скойшем они

подняли бесчувственное тело и потащили к дороге, где нас ждали лошади. Храм снарядил все имеющиеся средства передвижения: двух смирных пожилых кобылок, хозяйственную телегу и колымагу, на которой мы с Айшёт по очереди ездили в город за продуктами.

Мы не знали, что спасти некого.

Вряд ли это было спланированной военной операцией: магические бои с конца лета шли южнее, на границе Рагара и Асгэра. Скорее два отряда случайно столкнулись друг с другом в ночной темноте, хотя в сиянии заклинаний сражающиеся видели лучше, чем днём. Перепуганный мужичонка с ближайшего хутора, который спозаранку доставил в храм новости, утверждал, что «небо полыхало, аж zenки слепило». Я помчалась будить послушников, Айшет бросила укоризненный взгляд на статую Предвечной и пошла с остальными жрицами готовиться к приёму раненых.

Ворон скакнул с ветки на ветку, вытянул шею и заинтересованно скосился. Здоровый, угольно-чёрный, лоснящийся, словно смазанный маслом. Почему-то один: остальные то ли боялись, то ли он был одиночкой.

– Улетай, – посоветовала я. – Здесь тебе поживы не будет.

Опустилась на колени, разгребла листья и прижала ладони к мёрзлой земле. Молитва потекла сама, горькая, как запах осени, вечная, словно бездонное небо. От рук отделился мягкий белый свет, поплыл дальше, постепенно охватил всё поле, заполнил борозды, забрался в кусты, выискивая мёрт-

вых, после чего застыл мерцающим облаком, повисел и растаял.

Тела исчезли – вместе с одеждой и обувью. Осталось изуродованное отметинами заклинаний пятно выжженной земли, ближе к лесу присыпанное листьями. Я с трудом распрямилась, постояла так с секунду, чтобы прошли головокружение и слабость, затем побрела к дороге. Миран подскокил, подхватил меня под локоть, помог забраться в повозку.

– Сильны вы, госпожа Карен, – уважительно произнёс он.

– Могущество даёт Предвечная, – заученно ответила я. – Как асгерец?

– Сами судите, – послушник неприязненно глянул на неподвижное тело на скамье напротив. – Он точно живой? Привезём в храм покойника... Не шевелится, не стонет, бледный как мел, даже не дышит!

– Дышит. Только очень медленно. Это называется «магическое выгорание», – снизошла я до объяснений. – Нечто вроде комы у человека.

Миран благоразумно покивал на непонятные слова и полез на козлы. Мы тронулись, Скойш последовал за нами. Я тщательно осмотрела мага. Ран, крови и помутнений в ауре из-за внутренних повреждений не заметно. Воевать с Асгэром мне не довелось, в званиях и знаках отличия их отрядов я не разбираюсь, но рукав куртки весь в нашивках. Золотые полосы, ромбы, спираль... Не рядовой, это точно. Слишком худой, и вряд ли это последствия ночного боя, потому что

форма сидит как влитая. Резкие черты лица, острый нос, выпирающие скулы, упрямый подбородок. Возраст не определить: любому магу может с равным успехом оказаться и восемнадцать, и сто восемьдесят. Припорошённые пеплом волосы тоже не пойми какого цвета, вроде светлые. Ладно, мне за него не замуж идти. Долг жрицы – помогать всем нуждающимся без разбора.

Обратный путь пролегал через лес. Будь день солнечным, осеннее убранство деревьев завораживало бы взгляд, однако белёсая хмарь неба словно поглощала цвета, оставляя взамен лишь тусклые бурые пятна. Миран погонял каурую кобылку, привыкшую к ленивой и размеренной жизни, та возмущённо фыркала, не желая с шага переходить на рысь. Храм в долине открылся резко, словно отдёрнули занавеску, – дорога круто сорвалась под гору, где когда-то сияло, а ныне просто светлело строгое многоколонное здание. Издалека оно производило достойное впечатление, вблизи взгляд упирался в пожелтевший от времени мрамор, пятна плесени и паутину трещин. Выточенная из цельного куска полупрозрачного камня статуя Предвечной перед храмом тем не менее встречала нас ласковой улыбкой.

Скойш направил повозку к конюшне, скромно спрятавшейся за основным зданием. Миран подъехал к главному входу. К нам вышли все, способные ходить: Айшет, главная жрица храма, три почтенные старухи и две девочки-подростка. Их Айшет год назад забрала из приюта в Окреше, причём

на вопрос: «Хотите ли вы служить Предвечной?» из нескольких десятков сирот лишь они ответили положительно. Прочие предпочли работные дома и бордели.

Послушник подхватил тело асгэрца и потащил внутрь храма. Я встретила взглядом с зелёными, словно первые ростки травы после зимы, глазами Айшет.

– Всего один, – ответила на невысказанный вопрос.

Плечи Айшет еле уловимо поникли. Другие жрицы убедились, что их помощь не потребуется, и быстро разошлись по своим делам. Я поспешила за Мираном. Здоровяк бодро протопал до первой свободной комнаты в жилом крыле, сгрузил безжизненное тело на кровать и поклонился зашедшей следом Айшет.

– Какие будут приказания, госпожа?

– Принесите тёплой воды, – вместо главной жрицы распорядилась я, – и одолжите у Рэйши садовые ножницы.

Миран порадовал меня тем, что безропотно бросился выполнять.

– Остальные?.. – тоскливо спросила Айшет.

– Ещё один мальчик умер при нас, успел сказать имя – Малис Кориш. Просил передать матери, что её сын победил. – На слове «победил» меня перекосило, пришлось на несколько секунд стиснуть зубы, чтобы сдержать бессильный гнев.

Бессмысленная бойня, в которой не выжили ни победители, ни побеждённые. По милости императора Рагара, которому не угодили тысячеletние порядки. Что изменила эта

так называемая победа? Конечно, матери этого не скажешь.

Айшет сжала крохотные кулачки.

– Сколько их там было, Карен?

– Около трёх десятков. Точнее определить сложно. Огненное Лезвие резало и жгло, Косой Ветер разрывал на части, многие тела были изувечены до неузнаваемости и разбросаны по полю. Я проводила всех.

– Хорошо, что хоть кому-то удалось уцелеть. – Айшет склонилась над спасённым. – Аура чистая, ран нет... Барсы, элитный отряд, командер... Ого! Он слишком молод для такой высокой должности.

– Не забывай, он маг. Вполне может оказаться ровесником нашей Мёлны.

Миран принёс таз воды и помешал поинтересоваться, где жрица храма с окраины Рагара научилась разбираться в воинских званиях Асгэра. Я забрала из рук охранника ножницы. Нужно было срезать одежду, обмыть и осмотреть тело – вдруг мы что-то пропустили. То, что маг находился без сознания, и облегчало, и усложняло мою задачу. Возмущаться и сопротивляться он не мог, зато и ворочать его придётся мне одной. С курткой повезло – достаточно было расстегнуть крючки и разрезать рукава, рубашка тоже поддалась легко, обнажив худую безволосую грудь.

– Пожалуй, я пойду. – Айшет заалела, как маков цвет, едва я нацелилась на брюки.

Я не протестовала – в отличие от меня, главная жрица

не обучалась целительству десять лет в магической школе и смущалась при виде полностью обнажённых мужчин. Мне бледное и костлявое тело мага не открыло ничего нового, разве что в очередной раз заставило оценить своеобразное чувство юмора Предвечной. Остатки одежды из-под асгэрца я с трудом, но вытащила. Тщательно обтёрла лицо и тело влажной губкой, убедилась в отсутствии повреждений, осторожно проверила кости.

Коммандера элитного отряда спасло его же наплевательское к себе отношение. Выкачав резерв в ноль, он сражался дальше, пока не свалился в обморок от магического истощения. Косой Ветер прошёл на уровне двух локтей от земли, убив тех, кто стоял на ногах, и пощадив уже павших. Теперь выздоровление – лишь вопрос времени и правильного ухода. Главное, не проворонить тот момент, когда маг очнётся, чтобы предупредить об опасности его положения. Послушается – всё обойдётся. Попьёт травяных отваров нашей Сóфен, отдохнёт и будет как новенький. Прикрыв мага чистой простыней, я сходила на кухню за Мираном, попросив того вынести тяжёлый таз. Меня Предвечная физической силой обделила.

– Госпожа Карен, вы не боитесь его так оставлять? – хмуро поинтересовался послушник. – Хотя бы свяжите! Это ж асгэрец! Вдруг он оклемается и...

– Развеет нас в пыль? – насмешливо уточнила я.

Миран сам понял, что перегибает. Храмы во все времена оставались территориями, свободными от вражды, здесь

торжествовали заповеди Предвечной. Ещё полвека назад слово главной жрицы любого храма могло отменить приказ правителя Рагара, Асгэра, Гутэра или Аско́ша, а сто лет назад жрицы, провожающие умерших на Небеса, являлись самой почитаемой силой единого процветающего Аргэра.

Сейчас, когда в Нижний мир верил едва ли один человек из десяти, а слово «демоны» превратилось в ругательство, жриц уважали скорее по традиции, а император Рагара едва терпел, лишив всех привилегий. Но убийства в храмах всё ж таки пока не случались.

– Вас госпожа Айшет просила зайти, – спохватился Миран.

Я последний раз взглянула на неподвижно лежащего мага. Жрица должна быть выше бессмысленных войн.

– Полюбуйся, – Айшет протянула мне новостной листок.

Тонкая серая бумага противно пахла, к тому же печальный опыт предупреждал, что жирная дешёвая краска пачкает руки. Взяла осторожно, двумя пальцами. Кричащий заголовок бросался в глаза:

«Справедливость восстановлена».

Чуть помельче шли подробности. Император Негар объявил культ Предвечной (да, да, именно так и было написано – не вера, а культ!) бесполезным, более того – вредным для

Рагара и Аргэра. «Жрицы веками обманывали людей, выдавая магию за чудеса. Толпа праздных жадных белоручек наживалась на подношениях, владела плодородными землями и несметными богатствами. Этой пагубной практике положен конец. Больше никакой лжи! Пусть бездельницы сами добывают себе хлеб, нечего потакать их желаниям благоденствовать за счёт других».

– Вот так. – Главная жрица храма посмотрела на свои маленькие огрубевшие руки, все в занозах и мелких царапинах от возни в саду, обвела придиричивым взглядом строгую, чтобы не сказать скудную обстановку комнаты. – Мы с тобой теперь белоручки, Карен.

– Как будто раньше мы полностью жили на пожертвования. – Я брезгливо швырнула листок на стол. – Может, в столице храм и держится благодаря милостыне, за пределами А́нгры жрицы давно кормят себя сами. Негару осталось обложить нас налогами, чтобы окончательно уравнивать с остальными подданными. За три года император убедился, что может притеснять нас безнаказанно. Благодать Предвечной – не та сила, что способна ответить злом на зло.

Айшет взволнованно прошла по комнате, затем села, за неимением стула, прямо на кровать.

– Карен, но откуда такая ненависть?! Мы же не стоим Негару! Не лезем в его реформы, не призываем к бунту, покорно провожаем погибших в войне!

– Жрицы созданы для борьбы с демонами, – горько улыб-

нулась я. – Кто и когда последний раз видел в Аргэре демонов? По мнению Негара мы бесполезны, а уничтожать тела можно и с помощью магии.

– Думаешь, однажды он повелит закрыть храмы?! – ужаснулась Айшет.

– А ради чего, по-твоему, он воюет? – Наивность раздражала. – Утешает лишь то, что наступит день, когда Негару тоже потребуется проводница на Небеса. Посмотрим тогда, кто из жриц согласится ей стать! Я, например, ни за что бы на это не пошла!

– Такие рассуждения недопустимы, – укорила меня Айшет. – Ты служишь Предвечной, ты дала клятву провожать любого человека, созданного Праматерью.

– Насильника, убийцу, палача...

– Любого, Карен! – с нажимом повторила главная жрица храма. – Судить дано Предвечной, не тебе. Твой долг – помочь ему избежать участи демона в Нижнем мире.

Я упрямо промолчала.

– Ругаю тебя, а сама когда-то думала точно так же, – погрузнела Айшет. – Наверно, каждая жрица должна пройти положенный путь сомнений и разочарований... Как твой подопечный?

– Через день-два придёт в себя. Не зная его уровня, нельзя угадать, как скоро восстановятся энергопотoki. Нужно наблюдать. Магическое выгорание – вещь коварная: не говоря уже о том, что маг в таком состоянии крайне уязвим, без по-

сторонней помощи можно остаться без магии навсегда.

Айшет внимательно слушала.

– Скажи, Карен... твой прежний опыт часто помогает тебе?

– Случается. Это как протез: в какой-то момент понимаешь, что без него было бы хуже. Семь лет – достаточный срок, чтобы смириться.

Говорить о том, насколько убога жизнь без магии, я не стала. Как не призналась в мучительном чувстве вины из-за того, что семь лет назад я одним касанием исцелила бы безногого мальчика, найденного на поле боя. Моё прошлое – игла, засевшая в сердце: стоит пошевелиться, и она причиняет боль. Но перекладывать на других свои проблемы я не желаю.

Жрица должна быть стойкой.

Асгэрец очнулся этим же вечером. Я вошла в комнату – седьмой или восьмой раз за день, не помню – и встретила с настороженным взглядом тёмных глаз. В свете оставленной мной лампы они фосфоресцировали и придавали магу сходство с хищным зверем. При моём появлении он зашевелился, затем разглядел меня и судорожно дёрнулся.

Я знала, как действует на неподготовленных моя внешность. Абсолютно седые, сухие, жёсткие как проволока во-

лосы, мертвенно-белая, пергаментная кожа, ни кровинки в лице и в противовес – огромные неестественно-чёрные глаза, зрачки неотличимы от радужек. Можно срисовывать демонов с натуры и стращать непослушных детей. Приютские девочки, которых привезла в храм Айшет, первый месяц шарахались от меня в ужасе.

Положив полотенце и поставив на стол кружку с лекарством, я медленно, чтобы не напугать мага ещё больше, присела на стул рядом с кроватью.

– Добрый вечер. Меня зовут Карен, я жрица Предвечной. Вы находитесь в храме близ Окреша. У вас полное магическое выгорание, поэтому ни в коем случае нельзя двигаться и говорить, можете лишиться магии навсегда. Если хотите по нужде, прикройте глаза: я помогу.

На бледном лице вспыхнули два ярких пятна стыдливого румянца, но он всё же опустил веки в знак согласия. Я прекрасно понимала его смущение, поэтому постаралась сделать всё как можно быстрее и бережнее. Ухаживать за лежащими больными в большей или меньшей степени умеет каждая жрица. Маг вздрогнул, почувствовав прикосновения влажного полотенца.

– Сейчас я дам вам отвар, – продолжила я бесстрастным тоном, – постарайтесь всё выпить. Там целебные, снотворные и общеукрепляющие травы, они помогут вам поскорее восстановиться.

Маг ни на секунду не отрывал пристального взгляда от

моего лица. Его тревога и подозрение были оправданы тем, кого он видел перед собой.

– Не волнуйтесь. Никто вам не навредит. Окрепнете и уйдёте.

По жёстким губам пробежала слабая усмешка. Не верит. Пусть, лишь бы слушался. Чтобы напоить мага лекарством, мне пришлось пересест на кровать, приподнять его одной рукой, а второй держать кружку у рта. Он покорно пил, даже не морщился, хотя у Софен любой напиток чем действеннее, тем более отвратителен на вкус. Глотал маг с трудом и, когда лечебная гадость закончилась, мелко дрожал от слабости.

– Теперь спите. – Я промокнула губы и влажный подбородок чистым полотенцем и осторожно уложила мага обратно.

Наверно, другая на моём месте вела бы себя мягче. Постаралась бы успокоить, отвлечь, заговорить о чём-нибудь нейтральном. За годы, проведённые в храме, мне не раз доводилось видеть, как выхаживают больных жрицы, обращаясь с выздоравливающими, словно с родными детьми. Только я слишком давно отвыкла от таких понятий, как ласка и нежность.

Слава Предвечной, маг отключился, едва его голова коснулась подушки. Не представляю, из чего состоят сборы Софен, действуют они безотказно. До рассвета можно ни о чём не волноваться и тоже спокойно спать. Не тут-то было. Не успела я выйти в коридор, как услышала топот.

– Госпожа Карен! – загромыхал бас Скойша. – Там за вами

пришли!

– За мной? – искренне удивилась я и последовала за послушником.

У входа в храм поджидал дородный мужчина – явно городской и зажиточный. Короткое пальто из добротного сукна поблёскивало серебряной нитью, на ногах лаковые полусапожки. Рядом в тёплой шали, поспешно накинутой поверх домашнего платья, зябко переминалась Айшет. При моём появлении мужчина побледнел, но справился с испугом.

– Карен, – нерешительно произнесла главная жрица, – тут вот господин Бэриш из Дзауга пожаловал. Просит дать новорождённой благословение Предвечной.

– На ночь глядя? – подозрительно осведомилась я. – Провести обряд, запрещённый императором?

– Госпожа жрица, император может чудить, как ему вздумается, – низко поклонился мне Бэриш. – Однако магия милости Предвечной не заменит. Доченька у меня родилась, единственная, долгожданная, от любушки моей! Наследница всего состояния! Неужто я должен лишить её расположения Праматери ради чьей-то прихоти?!

Я полувопросительно глянула на Айшет.

– Тебе решать, – ответила жрица. – Ни Ли́ара, ни Рейша дорогу верхом не выдержат, о Софен нечего и не говорить. Или ты, или я.

За Бэришем переступал с ноги на ногу огромный вороной жеребец, намного крупнее обычной лошади, от ноздрей ко-

торого валил пар. Чистокровный гира́зец, такой двоих све-зёт, а то и троих, если третий подросток или ребёнок. Седло специальное, двойное. Я представила, как робкая целомуд-ренная Айшет прижмётся к спине незнакомого мужчины, и кивнула.

– Сейчас накину что-нибудь и поедем.

Главная жрица поспешила за мной в комнату.

– Извини, что так получилось, – виновато начала она. – Всё на тебя валится...

– Прекрати, – оборвала я её причитания. – За магом при-гляди, хорошо?

Куртка у меня приличная, Лиара прошлой осенью сши-ла. Неплохо бы штаны сменить и хвост перевязать, да време-ни нет. Господин Бериш не зря так поздно прискакал: храб-рый-то он храбрый, а на глаза попадаться соседям и страже не хочет, потому и ночью, и конь вместо экипажа. Император обряд благословления новорождённых запретил наравне со свадебным. Запрещать много ума не надо: издай указ и ра-дуйся. Последствия же не скоро скажутся. Пока те дети вы-растут, пока родители заметят, что болеют они не в пример чаще, синяки заживают хуже и неприятности так и липнут. Как уже это было со свадьбами. Во сколько раз в Рагаре уве-личилось количество супружеских ссор и измен? За те три года, что вместо церемонии в храме жених и невеста просто обмениваются клятвами? Магия не заменит веры.

Бериш ждал меня уже верхом.

– Давайте руку, госпожа, – потянулся он.

Хмыкнув, я проигнорировала его предложение и взлетела в седло за ним одним махом. Мужчина одобрительно крякнул. Конь сразу рванул в галоп... плакала моя задница, завтра весь день буду сидеть боком.

До Дзауга мы добрались быстро, часа за два, вот что значит породистый конь. Первое время после утраты общей порталной сети такие ценились на вес золота, потом люди смекнули и лошадей начали разводить повсеместно. Я переживала, что в темноте жеребец не найдёт дорогу, но Бериш предусмотрительно прихватил с собой магический огонёк – штуку чрезвычайно полезную, хоть и дорогую. Проверяющие на въезде дремали – возмутительная беспечность, даже при том, что война не затрагивала города. В Дзауге я не была с весны, за покупками мы ездили в Окреш, расположенный гораздо ближе к храму. Произошедшие изменения меня неприятно поразили. Запертые ставни лавок, заброшенные богатые дома, отсутствие магического освещения и тускло горящие масляные фонари.

– Многих магов в армию призвали, – перехватил мой недоумевающий взгляд Бериш. – Цены на услуги до Небес взлетели! Проклятая война! Вроде сражаются исключительно маги, а страдают люди.

«Проклятая война»...

Чудовищным усилием воли я запретила себе думать дальше. О том, что император в своём тщеславии пожелал поста-

вить себя выше Предвечной – не только в Рагаре, но и во всём Аргэре. И не удивительно, что Асгэр попытался обезопасить себя от агрессивного соседа.

Мы въехали во двор богатого особняка. Бериша ждали. Молодая женщина в меховой накидке, наброшенной на роскошное платье, метнулась к нам с крыльца, держа в руке фонарь.

– Бери, как ты долго! Я вся извелась! Где жрица?

Не дожидаясь помощи, я спрыгнула на мелкий гравий двора.

– Доброй ночи, госпожа.

Свет упал на моё лицо. Женщина отшатнулась, пальцы её руки сложились в знак, отгоняющий зло. Затем она овладела собой.

– Доброй ночи, госпожа жрица. Пожалуйста, скорее проходите в дом.

– Благодарю, госпожа. Мне необходимо умыться. Негоже проводить обряд по уши в дорожной пыли.

– Идёмте, я покажу.

Великолепная ванная комната напомнила о детстве. Уже тёплая вода подавалась по трубам, грязная уходила в слив. Мелькнуло непозволительное желание ополоснуться целиком: в храме вода текла только холодная, почти ледяная, мы таскали её ведрами на кухню, кипятили, затем разбавляли в тазах. Старая система подогрева летом вышла из строя, а нанимать мага нам было не на что. К сожалению, пришлось

ограничиться тщательным мытьём лица и рук.

Хозяйка ждала за дверью. Не молодая, но славная, с нежной чистой кожей, приятными чертами лица и милой улыбкой. Её первоначальный шок от моего вида прошёл – не важно, как выглядит жрица, главное, что отважилась нарушить императорский запрет.

– Благодарю вас, госпожа, что не побоялись приехать! Мáйша – наше с Бери чудо! Мы шестнадцать лет пытались завести ребёнка, и вот Предвечная наконец-то услышала наши молитвы.

– Заводятся блохи на собаке, – тихонько буркнула я под нос так, чтобы счастливая мать не услышала, и добавила громко: – Благодарите не меня, а Предвечную, жрицы исполняют её волю.

Малышка и впрямь была чудесная – спокойная кроха двух денниц от роду, сладко сопящая в колыбели. Игла в сердце опять заворочалась. Так могла бы выглядеть моя дочь, появившись она на свет. Единственное, за что я не проклинала Вэшира. Встав на колени возле колыбели, я приложила ладони к груди ребёнка. С моих рук слетела и закружилась весёлой метелью россыпь сияющих огоньков, комната наполнилась звуками музыки, далёким чистым вокалом, звонким смехом и аплодисментами. Предвечная благословила новорождённую.

– Ваша девочка наделена артистическим даром, – обрадовала я потрясённых родителей.

Бывало, в хороводе огней слышался плеск волн, перестук станков, шелест тканей, рыночный гомон, шум мастерских, визг пилы, уханье кузнечного молота. Шуршали страницы книг, звенели монеты, грохотали заклинания, звучал орган. Предвечная всегда намекала, к чему расположен ребёнок, жрицы толковали эти знаки.

– Она будет актрисой? – восхищённо ахнула мать.

– Актрисой, певицей, музыкантом... Неизвестно, в какую сторону устремится талант.

Я поднялась и позволила себе ещё раз полюбоваться ребёнком. Всё, долг выполнен. Теперь нужно думать, как добраться назад. Вряд ли кто-то согласится ехать в храм ночью, придётся идти пешком... хватит ли мне сил?

– Госпожа жрица!

Бериш низко поклонился:

– Вас отвезут обратно.

В руку ткнулся увесистый мешочек:

– Не побрезгуйте, госпожа. Не за услугу, на нужды храма.

Спорить я не стала.

В этот раз Бериш дал указание запрячь экипаж, отличную крытую коляску. Заспанный возница взглянул на меня и мгновенно взбодрился. Я же от души поблагодарила Предвечную, устроилась поудобнее на сиденье и моментально уснула.

Жрица должна быть неприхотливой.

Утро припомнило всё: проводы тридцати душ, поездку верхом, благословление ребёнка и то, что вместо заслуженного отдыха я каждый час по будильнику вставала и плелась в комнату асгэрца любоваться, как сладко спит маг. Не болел только язык, но лишь до тех пор, пока я не повстречала Айшет. Главная жрица устроила мне разнос за взятые деньги: некрасиво, нескромно, неподобающе. Устав пререкаться, я схватила Айшет за руку и потащила в кладовую, ткнув носом в полупустые полки.

– На носу зима, нас десять человек, из которых два ребёнка и четыре старухи. Допустим, сена для лошадей Миран со Скойшем накопили, а овёс ты на что собралась покупать? Система обогрева еле теплится, не дай Предвечная, откажет совсем, как случилось с водой, кто даром даст тебе угля? Не говоря уже о том, что мы три раза в день едим, нам нужно во что-то одеваться и как-то дотянуть до весны... Очнись, Айшет! Никто больше не придёт в храм с подношениями, никто не будет кормить нас бесплатно! Да, мы никогда не брали деньги, однако продукты, одежду и прочее нам дарили, пусть с каждым годом всё меньше и меньше... Теперь нужно быть готовыми к тому, чтобы весной сажать вдвое больше овощей и осенью менять излишки на муку, крупу, соль и сахар, как поступают селянки на хуторах!

Главная жрица потерянно осмотрела наши скудные запасы, после чего сползла на пол, уткнулась носом в колени и горько, беззвучно заплакала.

Я почувствовала себя последней скотиной.

– Перестань, – села на корточки рядом с Айшет и неловко погладила по плечу. – Это же не твоя вина.

– Моя, – покачала головой жрица. – Я привыкла к тому, что обо всём заботится Предвечная.

– Говорит та, что, сколько я помню, сама стирает, гладит, убирает, готовит, ухаживает за огородом...

– Карен, жрицы всегда обслуживали себя сами, у них никогда не было слуг, – перебила меня Айшет. – Но готовить нужно из чего-то, и вещи имеют свойства изнашиваться... Зря я забрала девочек. Старым жрицам деваться некуда, Миран и Скойш принесли обет служения вместо каторги, а Найде и Азире за что такая жизнь?!

– Мы что-нибудь придумаем, – твёрдо заявила я. – Себя мы точно прокормим. Возможно, придётся торговать не только овощами, но и травяными сборами Софен. Главное – нам есть где жить.

– Храм старый, – грустно произнесла Айшет, – все системы уже изношены, нужен маг, и маг хороший.

Я упрямо стиснула зубы.

– Ничего. Найдём. Будем откладывать деньги. И надеяться.

– На Предвечную? – оживилась жрица.

– На себя. Поднимайся, вытри слёзы. Ты должна служить примером, а не раскисать.

– Ты права, Карен. – Айшет встряхнулась. – Несмотря на все указы императора, люди всё равно будут идти в храм. Наш долг никто не отменял.

«Это точно, – мрачно подумала я. – И мой тоже».

Сначала я зашла на кухню к Рейше, застав там девочек. Это было весьма кстати, поскольку донести и кружку с отваром, и вторую – с бульоном, одной было бы затруднительно. Предвечная дала нам две руки и не подумала, чем мы должны открывать двери, если они обе заняты. Азира вызвалась мне помочь. Подозреваю, любопытному подростку хотелось посмотреть на мужчину, к тому же мага. Я обманула её ожидания, на пороге комнаты просунув в щель носок туфли и забрав обе кружки. Нечего смущать полуживого человека.

Маг уже проснулся. Лежал, повернувшись так, чтобы видеть дверь. Мой приход с кружками в руках вызвал на его лице непередаваемую гримасу.

«Да, вот такая уродливая вам досталась жрица, – мысленно усмехнулась я, ставя кружки на стол, – ничего, потерпите».

– Доброе утро, – произнесла вслух. – Думаю, сегодня вы можете попробовать заговорить. Но если почувствуете головокружение, тошноту, жжение, боль в горле – тут же прекращайте, хорошо?

Он кивнул, не сводя с меня пристального взгляда.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я.

– По сравнению с теми, кого вы провожаете, – прекрасно.

Голос был слегка хриплый, но вполне нормальный. А вот язвительный тон заставил меня скривиться.

– Попробуйте поднять руку, сожмите кулак... вторую... пошевелите пальцами ног... Сойдёт. Поздравляю. Вы легко отделались. По нужде хотите?

– Мне кажется, я справлюсь с этим самостоятельно.

На этот раз ирония в голосе противоречила вспыхнувшим щекам.

– Я вам помогу. Не геройствуйте. Последствия выгорания могут быть плачевными. Лучше один раз преодолеть стыд, чем на всю жизнь остаться инвалидом.

Маг не стал спорить. Сейчас, когда он не валялся беспомощной тушкой, всё прошло намного легче.

– Теперь поворачивайтесь на живот.

– Зачем? – насторожился он.

– Пересчитаю позвонки, спереди не все просвечивают.

Не сразу, но маг послушался. Пока он отходил от моего солдатского юмора, я уложила его правильно. Сложно открывать каналы, когда не чувствуешь магии, приходилось уповать на то, что руки помнили нужные точки и последовательность движений.

– Вам не больно?

– Мне странно. Что вы делаете?

– Считаю позвонки.

Надеюсь, он не решит, что я его лапаю?! Понимаю, что прикосновения такого чудища ему неприятны, но спайки в энергопотоках иначе не рассосутся. Да и кто на него польстится... Страшененький, на курёнка ошипанного похож, ключицы выпирают, рёбра и впрямь пересчитать можно, живот к позвоночнику прилип. Без слёз не взглянешь.

– Садитесь, только потихоньку, без резких рывков... Вот так.

Я протянула ему кружку с бульоном.

– Пейте, сколько сможете. Давиться не надо.

Кружку маг вернул на третьем глотке. Хищно улыбнувшись, я тут же всучила ему вторую – с отваром.

– А это придётся допить до конца. Зато, обещаю, к вечеру вам мои услуги интимного характера не понадобятся.

Он ожёг меня взглядом.

– Вы точно жрица?

– Даже не сомневайтесь. – Я закатала рукав и предъявила восьмиконечную белую звезду на предплечье. – Ещё вопросы будут?

– Как скоро я смогу ходить?

– Смотря куда вы захотите дойти. Если до уборной – то к концу сегодняшнего дня, как я и сказала. Если порталом в Асгэр, то в лучшем случае через денницу.

Выдав данную тираду, я с удовольствием допила оставшийся бульон. Не пропадать же добру! Тем более свежий, куриный, с травками... Поймав изумлённый взгляд мага, я

чуть не поперхнулась.

– И не брезгуете? – он ехидно оскалился и ткнул пальцем в кружку.

– Вы не больной и не заразный, – пожала я плечами. – Заодно и убедились, что тут вас не травят.

– Я об этом не думал!

– А принимались, наслаждаясь ароматом?

Он опять покраснел. При такой бледной коже ему следовало бы или загорать почаще, или смущаться пореже.

– Возьмите кружку, – буркнул маг.

– Спите, – посоветовала я. – Сейчас вам нужно как можно больше спать.

Излишнее пожелание, учитывая, что я напоила его снотворным. Но люди всегда что-нибудь говорят, особенно когда им нечего сказать.

Жрица должна утешать и успокаивать.

Жизнь в храме порой напоминала мне пребывание у бабушки на хуторе: все, от старика до ребёнка, заняты делом, даже отца, несмотря на его положение и редкие визиты, умудрялись нагрузить работой. Поздняя осень, когда основной урожай был снят и в огороде оставались лишь теплицы да одинокие гряды с капустой, не становилась исключением.

Но когда я только попала в храм, жрицы большую часть

дня занимались своими прямыми обязанностями. Три года назад новый император Рагара решил, что его подданные вполне обойдутся без благословения Предвечной. Поток посетителей резко поредел, жриц стали тревожить исключительно в случае смерти. Следующий указ императора, призывающий предавать тела покойных магическому сожжению, народ воспринял с недоверием. В отличие от магов, Предвечная, забирая своих детей, не оставляла гари и пепла. А после того, как пару раз среди праха нашли несгоревшие крошки костей и зубов, люди и вовсе начали шушукаться.

Стремление Негара заменить служительниц Предвечной магами одобрения не вызвало. Пусть многим было всё равно, кто признает законным брак, озарит светом колыбель и избавит от тела умершего, но услуги магов стоили дорого, а жрицы довольствовались скромными подношениями или устной благодарностью. Поэтому за исполнением запрета строго следили, дозволялось разве провожать покойных, и то, похоже, до поры до времени. В любой момент император мог одним росчерком пера запретить всё, что «не рекомендовалось» и «не поощрялось». И хозяйство при храме, что раньше было лишь подспорьем, постепенно превращалось в единственную возможность выжить.

С такими невесёлыми мыслями я вернулась на кухню. Рейша увидела меня и оживилась.

– Карен, будь добра, отнеси Мелне завтрак. Что-то она совсем ослабла, хотя чему тут удивляться. Сто три года – не

тринадцать.

Я цапнула со стола горбушку, подхватила поднос и направилась в комнату нашей старейшей жрицы. Лиара и Софен тоже давно перешагнули рубеж, за которым определение «пожилая» выглядит грубой лестью. Лиаре весной исполнилось девяносто три, Софен денницу назад отметила девяносто четыре года. Рейша была моложе их лет на десять, о возрасте Айшет я не спрашивала. Порой мне казалось, что главная жрица моя ровесница, временами она вела себя так, словно старше Мелны. Однажды Лиара назвала Айшет «избранной Праматерью», но пояснять, что это значит, не захотела, наоборот, сделала вид, мол, оговорилась.

Мелна дремала в кресле у окна. С середины лета она не выходила из храма и проводила дни в безмятежном забытии. Иногда жрица ненадолго приходила в себя, ласково разговаривала и улыбалась, но даже в этом случае создавалось впечатление, что какая-то часть её сознания отсутствует. Существовало поверье, что жрицы Предвечной заранее узнают о своём переселении на Небеса: глядя на Мелну, словно сияющую изнутри каким-то особенным, невероятно мягким потусторонним светом, я начинала думать, что так оно и есть.

– Мелна, проснись, – окликнула я жрицу. – Я тебе поесть принесла.

Тёмное, почти чёрное лицо плавно повернулось в мою сторону. Мелна родилась где-то на краю света в степях Гутэра. Сотню раз она рассказывала нам о том, как замечательно

жилося раньше, когда Аргэр представлял собой единое государство. «Порталы бесплатные, иди, куда душа зовёт, путешествуй, смотри, выбирай. Понравился край – оставайся, работай, люди везде добрые, примут, помогут...» Я слушала жрицу с горечью, Софен и Лиара – с грустью, Рейша – с тоской, а Азира с Найдой принимали воспоминания Мелны за сказку.

– Благодарствую, Карен... Присядь, посиди со мной. Как у вас дела? Яблоки собрали?

– Поздние остались, пусть ещё повисят.

Мне пришлось сесть на кровать. Старушка смотрела на и одновременно сквозь меня, видя за стенами храма сады, и долину, и гору, и осенний лес...

– Суровая будет зима, – произнесла Мелна. – Да, суровая...

Я хотела возразить, что на западе Аргэра зимы всегда холодные, и только потом поняла, что жрица имеет в виду не морозы.

– Мы справимся, – повторила упрямо, возражая незримой Айшет.

Цепкие карие глаза поймали мой взгляд. Теперь Мелна глядела мне в душу.

– Знаешь, Карен, когда зарождается новая жизнь? Нет, не весной... А в то время, когда всё старое отмирает. Бурый лист отрывается от ветки, падает на землю, его засыпает снегом, он гниёт, возвращая земле долг. Дерево кажется голым,

но, если приглядеться, ты увидишь крохотную почку. Это будущий лист, тот, что переживёт зиму и распустится по весне.

Старушка светло улыбнулась.

– Я – осенний лист, Карен. Ты – почка.

Уважение к старой жрице не позволило возмутиться вслух. Это я – почка?! Во мне всё выжжено, отравлено, искалечено... Удивительно то, что я вообще живу – жалким подобием себя прежней, уродцем с навечно оледеневшем сердцем.

За прошедшие годы я почти смирилась. Заставила себя не мечтать о смерти. И сейчас, когда храму нужны любые руки, я тем более не смогу бросить Айшет сражаться с трудностями в одиночку. Но это единственное, что принуждает меня жить.

Жрица молчала. Кажется, она опять задремала.

– Мелна! – позвала я вновь. – Ты же так и не поела!

Она опять ушла в свои грёзы и меня не услышала. Я осторожно коснулась худенького плечика под вязаной кофтой, Мелна продолжала сладко посапывать. Поднос с едой я поставила на стол: проснётся – сразу увидит.

Жрица должна быть заботливой.

Айшет отыскала меня в теплице, где я старательно воева-

ла с сорняками. Несмотря на скудное солнце, зелень всё ещё росла, а осоту с лапчаткой безразлично время года, они глушат грядки что ранней весной, что поздней осенью.

– Карен, взгляни, – голос Айшет дрогнул.

Она протянула очередной лист с новостями. Пришлось стащить садовые перчатки, подняться с колен и вчитаться в криво напечатанные строки. Никакого сравнения с листками моего детства – на глянцевой белоснежной бумаге, с ровными столбцами текста и милыми завитушками в прописных буквах. Разница между крупным городом и окраиной.

«Запрещено... запрещено... запрещено...»

– Императору Негару в юности отказала во взаимности жрица, – издевательски предположила я. – После чего он долгие годы копил злобу и теперь мстит служительницам Предвечной.

– Всё шутишь, – упрекнула Айшет. – Но смотри дальше: Рагар начисто разбил войска Асгэра в битве при Кирише. Представь, сколько там погибло магов! Кто проводит их?!

– В Кирише есть храм. Вряд ли приказ императора удержит жриц от выполнения своего долга. Ни тебя, ни меня он не остановил бы.

– Негар задался целью уничтожить нас... – Жрица прикрыла глаза, помолчала, затем решительно заявила: – Карен, я поеду в Кириш.

– Возьми с собой Скойша, он смекалистее, чем Миран, – невозмутимо откликнулась я. – И оденься потеплее, сейчас

ночи холодные, замёрзнешь.

– Это всё, что ты хочешь мне сказать? – возмутилась Айшет.

– А что ты хотела услышать? Ты несёшь вздор, я отвечаю в том же духе. До Кириша две денницы пути, пока ты доберёшься, все души успеют десять раз прогуляться в Нижний мир и обратно. Но если ты уверена, что единственная из всех служительниц Предвечной помнишь о своём предназначении, я не собираюсь с тобой спорить.

Айшет сверкнула зелёными глазищами и надулась. Я скомкала новостной листок, засунула его в карман – не мусорить же в теплице! – и принялась снова натягивать перчатки.

– Слушай, а как же твой маг? – вдруг озабоченно спросила меня жрица.

– Что значит – «мой»? – оскорбилась я.

– Асгэрский, – быстро поправилась Айшет.

– И что с ним не так?

– Указ...

Я перебила излишне горячо:

– Слава Предвечной, император пока не догадался запретить оказывать людям помощь. Выхаживать раненых позволено любому человеку. Даже жрицам!

От злости я порвала изношенную перчатку и теперь с досадой созерцала свои пальцы, испачканные в земле.

– Отдохни, – предложила Айшет. – Ты и так здесь с самого утра.

Мы вышли из теплицы вместе. Огороды располагались за садом, чтобы не портить вид на храм с дороги. Здесь же приютились конюшня с сеновалом и сарай для угля. По голым грядам беспрепятственно гулял ветер, гоняя жухлые листья. Айшет зябко поёжилась.

– В этом году больно рано похолодало.

Почему-то вспомнилась Мелна с её обещанием суровой зимы.

– Айшет, жрицы на самом деле заранее знают, когда уйдут к Предвечной?

– Большинство.

Главная жрица склонила голову с короткими непослушными рыжими кудряшками.

– Кáйша, моя предшественница, однажды вечером собрала нас в Большом зале, трогательно попрощалась и попросила прощения, если ненароком кого-то обидела. Раздарила свои украшения и ценные вещи. Я, молодая и глупая, ещё посмеялась: крепкая, здоровая женщина чуть за восемьдесят – и говорит о Небесах! А наутро Кайша умерла. Лежала в постели и улыбалась... Мне пришлось срочно повзрослеть. В храме тогда находилось двадцать жриц и шесть послушников, за обрядами приходили каждый день – с окрестных хуторов, из Окреша, Дзáуга, Козэса...

– Давно это было?

– Нет. – Айшет хитро прищурилась. – Ты никогда не интересовалась моим возрастом, Карен. Я не такая уж старая:

мне всего сорок два года. Храм я приняла семнадцать лет назад. Понимаешь, Предвечная сама выбирает ту, что будет нести ответственность за остальных. После смерти главной жрицы все жрицы храма по очереди прикладывают ладони к статуе, и у самой достойной звезда из белой становится золотой. Никто не ожидал, что Праматерь отметит самую юную из нас.

Мы дошли до бокового входа в храм. Айшет отогнула рукав и показала ярко сияющую звёздочку – словно в кожу впилили золотое украшение.

– С Предвечной не спорят, её воля – закон. Мне не хватало опыта и смелости, я боялась сделать что-нибудь не так... Но потом начали уходить старшие жрицы, забот прибавилось, и страхи как-то сами собой улетучились. Когда времени в сутках не хватает, перестаёшь терзаться сомнениями.

Я смотрела на далёкую полосу леса. Семнадцать лет назад я была счастливым ребёнком, балованным и любимым. Наверно, чересчур опекаемым и оберегаемым от реального мира. Не знаю, что лучше – набираться жизненной мудрости постепенно или рухнуть с безопасного берега в стремительный водоворот.

Начало смеркаться. В долине темнело быстро.

– Пойду к Рейше, помогу с ужином, – встряхнулась Айшет.

Мне тоже следовало вспомнить о своих обязанностях.

Маг ждал меня, сидя уже не на постели, а в кресле. В пер-

вый же день я подобрала ему штаны и рубашку из храмовых запасов, повесила на спинку кровати – авось, сообразит. Теперь я убедилась, что армейский глазомер меня не подвёл, одежда пришлась впору.

– Зачем вы встали? – Я с трудом сдержала раздражение.

– И вам доброго вечера, – насмешливо произнёс маг. – Вы опять принесли мне лечебную отраву?

Хрипота из его голоса ушла, язвительность никуда не делась.

– А вы предпочли бы вино? – осведомилась я. – Или что-нибудь покрепче?

– Не искушайте, – вздохнул он. – Дорого бы я дал за бутылку разёнского выдержанного...

– Вернётесь в Асгэр – пейте на здоровье. – Я сунула ему в руки тарелку с мясным рагу. – Сами справитесь? Я за отравой.

– Держать в руке ложку – дело нехитрое, – проворчал маг.

– Не скажите, – возразила я. – Иногда об этом как о величайшем счастье мечтаешь несколько денниц подряд.

Он удивлённо посмотрел на меня, и я поспешила покинуть комнату, ругая себя последними словами. Асгэрец не виноват, он просто не понимает, как ему повезло. Сила постепенно вернётся к нему, сначала тоненьким ручейком, затем полноводным потоком. Магия позволит ему исцелять, открывать порталы, властвовать над миром... а я буду помогать Айшет копить деньги, чтобы починить систему обогрева.

ва.

Софен процеживала отвар через марлю. Ловкие, несмотря на почтенный возраст, руки привычно колдовали над кастрюлькой.

– Держи, – улыбнулась жрица. – Раз ты так просила, я добавила немного мёда. Стало послаще.

Поблагодарив, я вернулась обратно. Маг расправился с рагу и обессиленно сполз на подлокотник кресла.

– Долго ещё продлится это убогое состояние? – капризно спросил он. – Хуже, чем во младенчестве, демоны раздери! Там, по крайней мере, ты не сознаёшь, насколько беспомощен!

– Вы восстанавливаетесь с невероятной скоростью и даже не представляете, как милостива к вам Предвечная, – я подхватила его и помогла сесть. – Выгорели в ноль, пролежали ночь на мёрзлой земле и отделались парой дней слабости... Пейте.

Маг скривился, глядя на кружку.

– Карен, признайтесь, вам доставляет удовольствие поить меня этой дрянью?

– Разумеется, – с готовностью подтвердила я, весьма удивлённая тем, что он запомнил моё имя. – Повседневная жизнь жриц скучна, нам не хватает развлечений. Поэтому мы обожаем затаскивать в храм выгоревших магов и пичкать их отвратительными на вкус лекарствами.

Он покраснел до кончиков волос.

– Почему рядом с вами я постоянно чувствую себя идиотом? – впервые без издёвки тихо спросил маг.

– Пейте, – повторила я, поднося кружку к его рту. – Вы нашли уборную и душ? Вода только холодная, так что с утра я пришлю к вам кого-нибудь из послушников с ведром кипятка.

– Не надо. – Он оторвался от отвара и взглянул мне в глаза. – Я не настолько изнежен, как вам кажется. Помоюсь и холодной.

– Замёрзнете. Здесь родниковая вода, ледяная. Не откажитесь, вам ещё рано совершать новые подвиги. Может, принести книгу?

– А у вас есть? – встрепнулся маг.

– Где-то были. Я поищу.

– Весьма вам признателен. Снотворным, так понимаю, вы меня больше пичкать не будете?

– Эта порция, – я показала пустую кружку, – последняя. Дальше организм справится сам.

– Отрадно слышать, потому что я выспался на год вперёд.

– Но пить отвар всё равно придётся. Вы же хотите поскорее поправиться? – разочаровала я его.

– Разве я могу лишить вас развлечения? – он не остался в долгу.

Встал он самостоятельно, но тело плохо слушалось, пришлось помочь ему доковылять до кровати.

– Я за книгой, – предупредила на всякий случай.

Маг поблагодарил взглядом.

Книги в храме не пользовались спросом, читать было некогда, но несколько штук я видела у Лиары. Жрицу я обнаружила перебирающей отрезы ткани в кладовой.

– Вот эти можно продать, – повернулась она ко мне. – Годаются разве на шторы, мы и без них обойдёмся. Парчи два рулона валяется, тоже вещь бесполезная... Карен, когда открывается ярмарка в Дзауге?

– В первый день зимы. Хорошая мысль. Это аскошские ткани, сейчас они в цене.

– Не пропадём! – подмигнула Лиара. – Ты по делу?

– Хочу попросить у тебя разрешения взять книги для своего мага (демоны! Вырвалось же!), ему скучно лежать целый день без движения.

– Бери, конечно... Ещё, смотри какая красота – гутэрский шёлк! Раньше из него мы шили праздничные платья. Я даже не думала, что сохранились остатки.

Ткань в руках Лиары переливалась всеми цветами радуги. Из подобного шёлка был мой свадебный наряд. Мерзкое, ненавистное, постыдное воспоминание... Наверно, я невольно отшатнулась, потому что Лиара испуганно охнула:

– Карен, с тобой всё в порядке?!

– Да, – я быстро овладела собой.

Прошлое не вернётся. Ни плохое, ни хорошее. И отец, и Вэшир на Небесах, хотя, будь моя воля, второго я своими руками отправила бы в Нижний мир без угрызений совести.

Книги Лиары оказались потрёпанными любовными романами, ровесницами владелицы. Такие усыпят без снотворного, как раз то, что надо выздоравливающему. Я заранее предвкушала, как вытянется лицо мага, едва он увидит названия «Магия любви» и «Невеста императора». Но моим коварным планам не суждено было осуществиться: когда я пришла, маг крепко спал, с нежностью обнимая подушку.

Романы я положила на стол и тихонько удалилась.

Жрица не должна злорадствовать.

Ночь я спала плохо. Снилось то, что я считала давно забытым. Поместье в Грэнше, бабушка, отец в парадной форме, мой школьный выпускной бал, море цветов... И по контрасту – вспышки боевых заклинаний, вопли сжигаемых заживо солдат, смазливое лицо Вэшира, после оно же искажённое ужасом в отблесках пламени. Дикие крики и боль, боль, боль...

Я не проснулась – вырвалась из кошмара, вся в ледяном липком поту. Вскочила, бросилась к окну, распахнула раму и старалась глубоко дышать морозным осенним воздухом. Стояла до тех пор, пока окончательно не продрогла и настоящий холод не вытеснил воображаемый. Затем залезла под душ, показавшийся тёплым. Смотрела, как по мертвенно-белой коже стекает вода, разглядывала свои руки – истончив-

шиеся, чужие, с выступающей сетью голубых вен.

Тело никогда не станет прежним. А душа?.. Обрету ли я когда-нибудь покой?

Храм ещё спал, даже в комнате Рейши, которая поднималась ни свет ни заря, было тихо. Из жилой части храма я прошла в Большой зал. Здесь в рассеянных лучах солнца словно парила над постаментом статуя Предвечной – уменьшенная копия той, что находилась снаружи. Все статуи Праматери одинаковые: юная прекрасная девушка, окутанная волной распущенных волос, протягивает тебе навстречу руки и ласково улыбается. «Жизнь – это великий дар, – пронеслись в голове слова Айшет. – Каждый человек для чего-то создан и кому-то нужен».

Кому я теперь нужна? Боевой маг без магии, в уродливом обликии, с кастрированными способностями...

Стиснув зубы, я отправилась на кухню. Готовить я научилась уже в храме и частенько представляла, каким ударом для отца стала бы его дочь, суевающаяся у плиты. Появившаяся Айшет застала пытящую кастрюлю с кашей.

– Карен, приехали из Кисэза. Просят проводить покойного... я поеду.

Я вспомнила карту и присвистнула.

– Это же день пути туда и столько же обратно. Лучше я.

Жрица просияла. Айшет не любила покидать храм, да и толку от неё, если честно, здесь было гораздо больше, чем от меня. Я до сих пор не умела ни шить, ни вязать, драила

пол по-мужски неуклюже и с содроганием взирала на стиральную доску. Зато словно в насмешку обряды мне давались на удивление легко. Быть может, император не так уж заблуждается, и благодать Предвечной как-то связана с магией? Мой отец гордился, что я пошла в него, а не в маму, у которой был всего лишь третий уровень. Всего лишь... Маг третьего уровня умеет строить порталы на любой конец света, а исцеляет одним прикосновением.

Перед храмом поджидала телега – простенькая, из тех, в которых возят сено. Сено в ней и было – целый стог, не меньше. Я с удовольствием вдохнула аромат полевых трав. Пожилой мужчина в тёплой поддёвке поклонился, подметая седой бородой брусчатку.

– Доброго утречка, госпожа жрица. Ранёнько вы поднимаетесь, я уж боялся, ждать придётся. Меня Алёншем зовут. Не взыщите за неподобающий вид, секретности ради пришлось делать вид, что на покосы еду.

– Ничего страшного, – я взгромоздилась на сено и повернулась к Айшет: – Распорядись отнести магу горячей воды и напомни Софен про отвар. Он должен пить его три раза в день. И кормить его не забывай!

– Не беспокойся, – заулыбалась жрица. – Не дадим твоему магу помереть с голоду.

В дороге, несмотря на тряску, мне удалось подремать, восполняя кошмарную ночь. Добирались долго, время от времени я просыпалась, переворачивалась на другой бок и за-

сыпала дальше. Ближе к полудню пришлось просить Аленша остановиться, чтобы справить естественные надобности, второй раз он сам тормознул у густого леска и ненадолго покинул своё место на козлах. В Кисез приехали в сумерках. Оказалось, жрицу здесь дожидался не только покойник: целая толпа народу встречала нас у ворот. Слава Предвечной, в первом же доме хозяйка догадалась пригласить меня к столу, а то желудок уже голодно урчал. Всего набралось трое усопших, семь младенцев от денницы до полугода и четверо влюблённых, умоляющих благословить их союз.

— Раньше-то мы сами в храм приезжали, а сейчас боязно, — пояснил Аленш. — В новостях пишут, к жрицам обращаться запрещено. Староста наш тоже вначале указ зачитал, а потом молвил так, вскользь, что нужно забрать сено с покосов в долине у храма. Вот мы и подгадали, чтобы не из-за одной семьи рисковать.

Я порадовалась, что заменила Айшет: та вряд ли справилась бы с таким количеством обрядов. Но и у меня к полуночи кружилась голова, хорошо, что жрицам выгорание не грозит. Последнее благословление я провела с восходом солнца, и мы с Аленшем сразу отправились обратно. На той же телеге, правда, лошадь сменилась. Новая, норовистая гнедая, шла бодрой рысью, и обратно в храм мы доехали засветло. Прощаясь, Аленш сунул мне в руку небольшой мешочек и подмигнул.

— Вы, госпожа жрица, в телеге забыли. Теперь к середине

зимы ждите – говорят, шишки у вас больно хороши.

Отнекиваться я не стала. Благодарно поклонилась и отправилась к себе, разминая затёкшую спину. Два дня в пути – с непривычки тяжело. Император воссоздавал сеть стационарных порталов, и это было то единственное, в чём я его всей душой поддерживала.

Только ноги сами собой принесли меня под дверь гостевой комнаты. Вспомнив о приличиях, я вежливо постучала.

– Входите, Карен.

– Магия вернулась? – спросила я, едва войдя. – Вы увидели мою ауру?

Маг, пристроившийся в кресле с книгой, ухмыльнулся.

– Я узнал ваши шаги. Вы одна в этом храме не ходите, а чеканите шаг, словно гвардеец на плацу. Удивительно, как такое хрупкое создание может ступать настолько твёрдо. Хотя магия тоже при мне.

Он щёлкнул пальцами, рисуясь, и вместо тусклого света лампы комнату залило потоками яркого света. Хвастун.

– Прекрасно. Вы пили отвар?

– Скоро эта гадость ползет у меня из ушей. Но должен признаться, средство весьма действенное. Вам следует запатентовать свою целебную отраву, боевые маги выстроятся за ней в очередь.

– Обязательно воспользуюсь вашей идеей... Вы не голодны? Восстанавливающийся организм должен постоянно требовать пищи.

– Аппетит зверский, – сознался маг. – Только мне неловко, что еду сюда приносите то вы, то пожилые женщины. Я вполне в состоянии дойти до столовой.

– В нашем храме нет столовой, – разочаровала я его. – Когда-то была, но нас осталось так мало, что проще есть на кухне. Так что, если не побрезгуете, милости прошу. Сейчас схожу переоденусь с дороги и зайду за вами. Заодно принесу ваши ботинки, их почистили от гари.

– А я уж думал, вся моя форма приказала долго жить, – рассмеялся маг.

Он отложил книгу и поднялся, оказавшись всего на полголовы выше меня.

– Я ведь так и не поблагодарил вас, Карен. За спасение, за то, что не лежу беспомощным овощем...

– Благодарите Предвечную, жрицы лишь исполняют свои обязанности. Я зайду через полчаса.

Мне показалось, или он обиделся?

В коридоре я прислушивалась к своим шагам. Походка как походка, что он выдумывает?! Вычёсывая из волос травинки, подхваченные в телеге с сеном, я пожалела о своём опрометчивом визите: и так похожа на страшилище, так теперь с полным правом могу называться чучелом соломенным.

Мешочек, переданный Аленшем, я переложила в шкаф. Потом отдам Айшет и получу очередную порцию упрёков. Сейчас я хотела есть до такой степени, что желудок жалобно

НЫЛ.

Своим ботинкам маг обрадовался, словно любимой де-
вушке. Обулся, цокнул каблуками.

– Не делайте такие глаза, Карен. Всю обувь для армии Асг-
эра изготавливают трёх-четырёх ходовых размеров. А у ме-
ня, как видите, слишком маленькие ноги, приходится шить
на заказ и здорово переплачивать. Так что за сохранность
моих ботинок я благодарен вам не меньше, чем за спасение
жизни.

– У командера элитного отряда проблемы со средства-
ми? – Я иронично вздёрнула бровь.

– Деньги – полбеды, вы попробуйте уговорить военного
сапожника выполнить работу быстро, и чтобы маршал имен-
но в это время не отдал очередной приказ бросить всё и всту-
пить в бой где-нибудь на другом конце Аргэра... Кстати, как
давно вы в курсе моего звания?

Вопрос он задал не меняя беззаботного тона, и, тем не
менее, я почувствовала напряжённость.

– С первого дня. Главная жрица храма разбирается в ва-
ших знаках отличия.

– А что вы сделали с моей формой?

– Её сожгли вместе с остальным мусором. – Я смело взгля-
нула в посуровевшее лицо. – Вам не о чем беспокоиться: хра-
мы не доносят императору о тех, кому помогают, будь это
беглый преступник или офицер враждебной армии. Именно
из-за этого Негар и ополчился на жриц... Идёмте есть.

На кухне собралось непривычно много народу. Лиара чистила яблоки на повидло, обе девочки ей помогали, послушники с аппетитом наворачивали что-то вкусное и горячее, отчего у меня немедленно началось обильное слюноотделение. Рейша колдовала над кастрюлями.

– Карен! – обрадовалась она. – Вернулась? Садись, сейчас я тебя накормлю... Ой, господин маг, доброго вечера! Вы суп будете? Или овощей тушёных положить?

– Всего и побольше, – за мага ответила я. – Где Айшет?

– Они с Софен, проверяют запасы трав – что можно продать без ущерба для храма.

– Видите, как скоро осуществилась ваша идея? – повернулась я к магу. – Вы отомщены: чудодейственная гадость пойдёт в массы. На вас проверили, теперь станем травить людей.

Маг, на которого уставились все без исключения – даже Миран и Скойш оторвались от еды, – сохранил невозмутимость. Спокойно принял из рук Рейши тарелку с супом, сел за длинный стол.

– Я так и понял, что являюсь для вас подопытным образцом, – улыбнулся он мне с очарованием кота, играющего с мышью. – Вы ведь с моей помощью выясняли предел человеческого терпения. Ничем иным столь мерзкий вкус не объяснить.

Найда с Азирой захихикали, Лиара добродушно рассмеялась.

– Зря вы так, господин! – обиделась Рейша. – Отвары Со-

фен самых безнадежных больных на ноги поднимают! Вот Карен – никто не верил, что она выживет, а Айшет упрямо её поила, с ложки, по капельке, целый месяц! И ведь выходила!

Давно я не мечтала придушить кого-то так, как в эту минуту Рейшу за ненужные подробности. Слава Предвечной, краснеть я не могла физически – мёртвая кожа не содержала кровеносных сосудов. Так что достаточно было сохранить бесстрастный вид, справиться с супом, раскланяться со всеми и покинуть кухню. Ложиться спать было рано, к тому же я выпалась в дороге, посильной работы не наблюдалось. Заглянуть бы к Айшет, но непременно возникнет вопрос о взятых в Кисез деньгах за обряды, а я сейчас не в состоянии выслушивать упрёки и оправдываться. Накинув куртку, я вышла из храма.

Ветер стих, закат почти догорел, глубокие синие тени скрыли долину, далёкая кромка леса казалась силуэтом, вырезанным из чёрной бумаги. Я села на скамью рядом со статуей Предвечной, закуталась поплотнее и засунула ладони в карманы.

– Не помешаю?

Маг подошёл очень тихо и замер в полушаге от меня.

– Вы в одной тонкой рубашке, замёрзнете, – буркнула я.

– Уже нет, – он присел рядом. – Регуляция температуры тела и всё такое... Вы же знаете.

Я молчала. Прогнать его не было повода, подняться и уйти – сил.

– Карен, вы выгоревший маг?

– Да.

Короткое слово, но за ним скрывались годы отрицания, отчаяния, гнева. Я ненавидела себя – слабую, беспомощную, уродливую, неприспособленную к обычной человеческой жизни.

– Поэтому вы так беспокоились обо мне? Предупредили, что нельзя говорить и двигаться, по десять раз приходили ночью, проверяли...

– Маги невольно привыкают обращаться к энергии для любых действий, даже безобидных, особенно когда тело ослаблено. Энергопотоки выжимают и отдают последние крохи, после чего схлопываются и закрываются навсегда. Очень важно, чтобы выгоревшему магу не пришлось напрягаться до того, как каналы вновь наполнятся.

– Вам пришлось?

– Да.

– Какой у вас был уровень? Второй, третий?

– Первый.

Маг присвистнул.

– И у меня первый.

Он замолчал. Сидел, не отрывая взгляда от своих тонких пальцев, вероятно, пытаясь представить, как это – обладать властью над миром и в один миг лишиться её навсегда. В этом он напомнил Айшет – та тоже не испытывала подробностей.

– А как становятся жрицами? – неожиданно спросил маг.

– Очень просто. Нужны внутреннее согласие и статуя Предвечной. Ты прижимаешь ладони к камню, произносишь клятву, и на твоём предплечье появляется звезда. Или не появляется – если ты по каким-то причинам не подходишь Праматери. Итог непредсказуем, история знает случаи, когда Предвечная принимала особу лёгкого поведения и отвергала целомудренную скромницу.

– Значит, не все жрицы – девственницы? – в его голосе прозвучало сомнение.

– У Софен есть дети, кажется, даже внуки. Найду насильники в приюте. Мелна приняла служение в сорок пять лет и до этого не чуралась плотских удовольствий. Жрицы – обычные женщины без каких-либо особых способностей, кроме видения аур. Они лишь проводники благодати Предвечной.

– Но почему тогда одни жрицы гораздо могущественнее других? – нахмурился маг. – Простите, Карен... Женщина, что приносила еду, – Лиара, если не ошибаюсь, – ужасно разговорчива, а мне было так скучно, что я с удовольствием слушал её болтовню. Вы намного сильнее любой жрицы в храме, способны проводить множество обрядов без усталости, в то время как та же Лиара падает в обморок после одного-двух.

– Не знаю, – ответила честно. – Я часто задумываюсь об этом и ответа не нахожу. Никто не занимался изучением силы жриц, для них не составляли классификатора, как для магов. Можете заняться на досуге... хотя, судя по тому, как

идёт ваше восстановление, вам недолго осталось скучать в нашем храме.

Он согласно склонил голову.

Солнце окончательно зашло. Маг зажёг над нами огонёк, сразу стало уютно. Очень хотелось, как раньше, протянуть руку и поддержать на ладони золотистый сияющий шарик.

– А вы откуда, Карен?

– Из Грэнша. Это крупный торговый центр на востоке Рагара.

– Моя семья жила в Скóнше, небольшом городке на границе с Аскошем. Когда начались волнения, дед перевёз всех в Иркén. Я так и не привык к столичной суете... Ваши родители не были против того, что вы приняли служение?

– Моего отца казнили восемь лет назад – за покушение на жизнь императора. Маму я не помню, она умерла, когда я была совсем маленькой.

– Простите... – Маг с шумом выдохнул воздух. – Видимо, рядом с вами я становлюсь не просто идиотом, а идиотом бестактным. Что бы ни ляпнул, попадаю по больному.

– Не расстраивайтесь. Ещё как минимум день я буду поить вас отваром, а из мести попрошу Софен добавить туда что-нибудь особенно мерзкое. – Я нашла в себе силы улыбнуться. – Идёмте в дом, становится совсем холодно.

– Я не замёрз.

– Зато я замёрзла. Отсутствие регуляции температуры тела и всё такое, – передразнила я его.

Маг рассмеялся.

– Интересно, – окинул он меня внимательным взглядом. – Какая вы были раньше?

– Надменная, избалованная золотоволосая и голубоглазая красавица, – издевательски ответила я. – Довольны?

– Вполне. – Он поднялся и неуклюже подставил мне локоть.

Идя с ним под руку к храму, я подумала: самая злая ирония в том, что я не соврала.

Жрица должна всегда говорить правду.

Мелна умерла ночью. Я принесла ей завтрак и обнаружила, что жрица лежит на заправленной кровати в самом нарядном из своих платьев. Руки покойной были сложены на груди, глаза закрыты, на губах застыла умиротворённая светлая улыбка.

«Я – осенний лист, Карен...»

Лиара, не стесняясь, рыдала в голос, Софен размазывала непрерывно бегущие дорожки слёз. Они провели вместе с Мелной полвека, помнили друг друга молодыми и переживали тяжелее остальных. Рейша то и дело вытирала платком глаза. Азира и Найда притихли и стояли с непривычно серьёзными лицами: смерть Мелны стала первой смертью жрицы в нашем храме с тех пор, как девочки приняли служение.

Миран неожиданно для всех принёс букет поздних диких хризантем, мелких сиренево-сизых цветочков в оправе ажурных колючих веточек. Я совсем забыла, что они росли на полоске сорной земли между огородом и садом. Поступок грубоватого послушника, вложившего цветы в иссохшие тёмные пальцы покойной, тронул меня куда больше, чем я хотела показать. Скойш молился: его губы размеренно шевелились.

Айшет приложила ладони к рукам усопшей, белый мягкий свет окутал тело – и растаял. Осталась пустая смятая постель. Жрица воссоединилась с Предвечной.

Маг, которому я принесла очередную порцию отвара, сразу почувствовал моё настроение.

– Что-то случилось, Карен?

– Умерла старейшая жрица храма. Чудесная, славная, добрая женщина... Впрочем, с течением лет все они становятся такими.

– Они? – прищурился он. – Себя вы жрицей не считаете?

– Я никогда не обрету их сострадательности и великодушия, – призналась я и сразу пожалела о своей откровенности. – Пейте вашу гадость.

– У неё последние дни другой вкус. Не такой мерзкий.

– Самую отвратительную отраву мы прибережём для ярмарки.

Он удивлённо округлил глаза:

– Вы на самом деле собираетесь торговать травами? Я ду-

мал, вы шутите. Зачем?

– Чтобы выжить. – Я порылась в кармане и протянула ему изрядно помятый новостной листок. – Император Рагара невзлюбил жриц... Меня сегодня не будет, я с послушниками еду в Окреш за продуктами, вернусь ближе к ночи. Пожалуйста, зайдите к Софен за лекарством сами.

– Ваши послушники, – поморщился маг. – Что они делают в храме? Два крепких здоровых мужика среди женщин... Вы не боитесь?

– Миран и Скойш пятнадцать лет назад принесли пожизненный нерушимый обет, – пояснила я. – Они бывшие преступники, первый осуждён за пьяную драку, в которой погиб человек, второй за воровство. Вместо каторги они выбрали служение Предвечной, это очень древний обычай, сохранившийся в Рагаре. Если один из послушников нарушит слово, как-то навредит жрицам, Праматерь покарает сразу и весьма жестоко. Методы воспитания у неё весьма изощрённы: если провинившийся сквернословил, она отнимает речь, за проявления похоти наказывает лишением мужской силы.

– Однако! – Маг поёжился. – В Асгэре я не слышал о таких обетах. Правда, раньше я никогда не интересовался храмами. А девочки – они тоже жрицы?

– Предвечная приняла их служение. Пока они просто живут и помогают, для обрядов у них не хватает сил. Фактически в храме две жрицы – я и Айшет, остальные или слишком стары, или чересчур юны.

– Айшет – это привлекательная рыжекудрая женщина, которая вечно краснеет?

«На себя посмотри!» – мысленно возмутилась я.

– Айшет – главная жрица храма.

– Поспорить могу, что она асгэрка, – хмыкнул маг. – Только у нас на западе встречаются рыжие зеленоглазые смуглянки.

– Вам виднее. Я не занималась сравнением женской красоты в разных краях Асгэра.

Он ответил дерзкой улыбкой.

– Самые прекрасные девушки в Рагаре. Мой отец умыкнул из империи жену, и мама всегда казалась мне идеалом. К сожалению, я её очарования не унаследовал.

Это точно. Невысокий, угловатый, худосочный, вряд ли он пользуется вниманием у противоположного пола. Женщины предпочитают в мужчинах классическую красоту и мускулистое развитое тело. Хотя кисти рук у него словно просятся в модели скульптору или художнику – изящные, утончённые, с длинными чуткими пальцами, вон, как деликатно обхватывают кружку. Кстати, пустую.

– Вы так нежно гладите кружку из-под отравы, словно вам хочется добавки. Принести?

Маг рассмеялся.

– Если это позволит мне подольше находиться рядом с вами.

До него не сразу дошло, что он произнёс, затем яркий ру-

мянец залил щёки. И он ещё что-то говорил про Айшет!

– Я неправильно выразился... Хотел сказать не это... В смысле, здесь так скучно, что даже ваши визиты – приятное разнообразие... Демоны! Теперь я вас обидел!

– Хорошего вам дня. – Я решительно забрала кружку и с гордым видом удалилась.

Жрицы не должны обижаться.

С Айшет я увиделась только на следующее утро за завтраком. Главная жрица с упрёком покачала головой.

– Даже не заглянула!

– Я поздно вернулась. Купить продукты по сходной цене с каждой денницей становится всё сложнее.

Жрица погрустнела.

– Храмы превращаются в женские общины. Вместо своих обязанностей мы думаем, как прокормиться.

– Император не вечен, – напомнила я себе и ей. – Наша главная задача сейчас – выжить. Магия не заменит благословения, люди это понимают. А через пару лет, прочувствовав последствия императорской блажи, народ начнёт роптать повсеместно. Я не говорю о том времени, когда подрастёт первое поколение детей, лишённых милости Предвечной. Там Негара ждут крупные неприятности, если он, конечно, ещё останется править.

– Негар молод, – возразила Айшет. – Он сильный маг, проживёт долго.

– Я сказала «править», а не «жить». У трона Рагара всегда полно побочных ветвей, бастардов и прочих претендентов на власть. Проще уцелеть в ящике с гадюками, нежели во дворце Ангры. Ни один император с того момента, как Аргэр развалился на части, не властвовал больше пятнадцати лет, никто из них не умер в своей постели от старости.

– Ужасно, – поёжилась жрица.

– Это их выбор. А Негар к тому же вызвал всеобщее недовольство. Завтра его публично развеют, и никто не расстроится.

– Гвардия ему предана. И армия.

– Военные присягают империи, а не человеку. Это не обет наших послушников.

– В Асгэре маги дают клятву верности маршалу. Фактически тот правит государством, министры просто для виду.

– Откуда ты знаешь? – Любопытство перевесило деликатность.

– Я же из Асгэра, – как о самом себе разумеющемся ответила Айшет. – Дочь такого же высокопоставленного офицера, как и твой командер. Знаешь, что полагается в Асгэре за измену родине? Казнь всей семьи, включая детей.

Асгэрец не ошибся, угадав в Айшет свою соотечественницу.

– Ты же не маг!

– Моя мама человек, она была любовницей отца. Маги первого уровня не женятся на женщинах без дара. Но мы жили вместе, и я хорошо помню тот день, когда нас пришли арестовывать. На отца сразу нацепили блокираторы, а маму посчитали жалкой и беспомощной. Только ей каким-то чудом удалось сбежать и отвести меня в храм.

– Сколько тебе было?

– Девять или десять. Мне очень повезло, Карен. К тому моменту, как в храм ворвались маги, Предвечная приняла моё служение. Маму забрали и развеяли вместе с отцом, а меня тронуть не осмелились. Но жрицы всё равно потом тайно переправили меня в Рагар, на всякий случай.

Айшет отошла к окну.

– Погода сегодня чудесная. Солнышко... Наверно, последние тёплые деньки. Нужно снять оставшиеся яблоки, как ты считаешь?

– Тебе лучше посоветоваться с Лиарой или Рейшей, – я виновато улыбнулась. – Все мои познания в садоводстве ограничиваются теми сорняками, что когда-то показала мне Мелна. Так что я пошла допалывать теплицы, там от меня больше толку.

– Отлично, – деловито подытожила жрица. – В сад отправлю Мирана, Скойша и девочек. Как твой маг?

При слове «мой» я не поморщилась. Смирилась.

– Практически восстановился.

– Слава Предвечной! – выдохнула Айшет и тут же доба-

вила: – Я не в смысле, что хочу от него избавиться, хорошо, что он поправился.

Один из сотен погибших... Скольких ещё унесёт бессмысленная война?

Солнце на самом деле старалось вовсю. В теплице оказалось даже жарко, я скинула куртку и завернула рукава рубашки. С сорняками я сражалась, представляя вместо них императора Рагара. Странно: отца казнил предшественник Негара, Ашти́р, но вся моя злость досталась нынешнему правителю.

– Вы так безжалостно дерёте траву, Карен, что к вам страшно подходить.

Вздрагнув, я обернулась.

Маг стоял в паре локтей от меня и улыбался.

– Доброго утра.

– День уже, – ответила я. – Вы ели?

– Да, меня накормили. И отваром напоили напоследок...

Я ухожу, Карен.

Поднявшись с колен, я внимательно оглядела его. По-прежнему очень бледный, однако тени под глазами исчезли. А радужки, оказывается, не чёрные – тёмно-тёмно-синие, словно вечернее небо, в ярком солнечном свете это стало заметно. Отмытые светло-пепельные волосы приобрели серебристый блеск. Костлявый, непривлекательный, но не урод, как я.

– Вы не торопитесь? Чтобы создать портал, нужно много

сил.

– Магия вернулась, я отдохнул и выспался, резерв наполовину полон. Хватит бездельничать.

Я пожала плечами.

– Воля ваша. Так не терпится попасть в очередную бойню – пожалуйста.

– Военные маги дают клятву, Карен. Моя жизнь принадлежит маршалу.

– Наслышана, – скривилась я. – Что ж... доброго пути.

Он слегка растерялся.

– Странная вы... жрица. За всё время даже не поинтересовались, как меня зовут.

– А зачем мне ваше имя? – удивилась я. – Предвечной всё равно, кому она оказывает гостеприимство.

– Я говорю не о Предвечной, – нахмурился маг. – Я имею в виду вас.

– Мне тем более это не важно, – отрезала я и тут же поймала себя на мысли, что, пожалуй, не отказалась бы узнать. Но не спрашивать же теперь, после подобного заявления!

Маг стиснул губы, отчего они превратились в одну жёсткую линию.

– Всего доброго, Карен.

Он дошёл почти до конца теплицы – и вдруг вернулся.

– Шэрил. Шэрил Рэнар. Если вы будете вспоминать обо мне...

Я изумлённо смотрела на два ярких пятна румянца на ще-

ках. Ему определённо надо что-то делать со своей привычкой так легко краснеть без всякого повода. Но сказать ничего не успела. Рэнар быстро скрылся из виду и на сей раз насовсем.

Следовать за ним я себе запретила. Наоборот, возилась в теплице, пока не стемнело, до последней минуты оттягивая возвращение в храм. И, едва войдя, натолкнулась на ликующую Айшет.

– Карен! Твой маг-то! Наладил систему обогрева, и у нас теперь есть тёплая вода!

– С чего ты взяла, что это он? – проворчала я.

– Так он сам отыскал меня и спросил – чем я могу вас отблагодарить? Я сдуру ляпнула про воду, потом уже подумала – он же едва восстановился, справится ли. Справился, ещё посмеялся – мол, ерунда какая... А потом открыл портал и ушёл. Даже с тобой не попрощался.

– Он попрощался, – возразила я.

Для мага первого уровня обновить заклинания обогрева – пустяк. Для нас отопление и горячая вода зимой – вопрос выживания. Шэрил Рэнар позаботился о том, чтобы я вспоминала его с благодарностью.

Только с благодарностью, и никак иначе.

Жрица должна помнить добро.

Следующие месяцы в моей памяти слились в непрерывную цепь мелких незначительных событий. Зима наступила стремительно. День, когда ушёл Рэнар, действительно стал последним тёплым днём. Первый снег выпал рано, и, хотя он растаял, не долежав и до полудня, через денницу снегопады стали регулярными. Миран и Скойш каждое утро расчищали дорогу и площадку перед храмом и ворчали, а сугробы, равнодушные к их жалобам, вырастали вновь и вновь.

С наступлением темноты появлялись люди. Приезжали верхом и на санях из Кисез, Окреша, Дзауга. Порой с хуторов приходили пешком, и Миран запрягал одну из наших лошадок, отвозя меня вместе с просителями. Народ без зазрения совести нарушал указ императора. На ярмарке, куда ездили мы с Айшет, с нами об обрядах договаривались и местные, и приезжие.

Так не могло продолжаться вечно. Новостные листки сообщали о задержании в Ангре и других крупных городах жриц, нарушающих закон. Служительницы Предвечной заявляли, что их долг выше приказов земных правителей, и стойко переносили заключение. Вряд ли такие речи были по душе Негару, не реагировал он просто потому, что его отвлекала война.

К середине зимы война закончилась.

Через месяц боёв на территории Асгэра правительство признало поражение. Довольный император выставил свои требования, сводившиеся к одной фразе: жрицам не место в Аргэре. Новостные листки пестрели ликующими победными лозунгами, ниже печатали длинные списки убитых и взятых в плен асгэрских офицеров. Я внимательно вчитывалась в кривые строчки и почему-то радовалась, когда не находила там знакомое имя. К тому моменту я уже знала, что командер Барсов Шэрил Рэнар был правой рукой маршала, зачастую самостоятельно планировал и осуществлял тактические манёвры. В Рагаре боевые маги редко поднимались до подобных высот, все они являлись разменными фигурами в руках императора. Негар сам руководил крупными сражениями и с неохотой уступал место в мелких двум или трём избранным офицерам своего штаба. Коммандера упомянули и в перечне тех асгэрцев, за чьи головы император объявил персональные награды, сумма была такой, что на неё храм мог бы безбедно существовать долгие годы. В тот день я особо истово молила Предвечную, чтобы мирный договор подписали побыстрее, хотя прекрасно понимала, что после этого внимание императора переключится на жриц и храмы.

Мои тревоги оправдались морозным утром, когда меня разбудила перепуганная Найда.

– Карен, там солдаты! Требуют всем немедленно собраться!

Маленькую жрицу трясло от страха: с мужчинами в форме

у Найды были связаны воспоминания о насилии и боли, едва зарубцевавшиеся за год пребывания в храме.

– Они не причинят тебе вреда, – с уверенностью, которой не испытывала, успокоила я дрожащую девочку.

Боевой маг одевается за сорок секунд, после долгого отсутствия практики мне потребовалась минута. Мы с Найдой вышли в Малый зал, заменявший храму прихожую. От синне-красных мундиров солдат императорской гвардии зарябило в глазах, в небольшое помещение их набилось не менее двух десятков. Айшет появилась одновременно со мной, она поддерживала Софен, которая заметно сдала после смерти Мелны. Миран и Скойш заслонили Рейшу с Лиарой, из-за их спин выглядывала любопытная Азира. Я сразу отыскала старшего. Мучающийся похмельем офицер с высоты своего роста смотрел поверх наших голов.

– Господин капитан, чем мы обязаны столь раннему визиту? – Из закоулков памяти я вытащила тон, которым отец отчитывал подчинённых.

Офицер напрягся, начал разыскивать источник властного голоса, увидел меня и закономерно отшатнулся. На его лице проступила брезгливость.

– Вы здесь главная? – процедил он сквозь зубы.

– Допустим. – Я бросила на Айшет выразительный взгляд, призывая не вмешиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.